

Семь десятилетий назад — в августе 1921 года — не стало Николая Гумилева. Долгие годы обычный советский человек только и знал о нем, что это русский поэт и что он расстрелян как участник контрреволюционного заговора. К счастью, время то уже миновало, и мы сейчас имеем куда большее представление и о личности поэта, и о его творчестве. Литературное наследие Гумилева помогли до-

— Родился я в 1913 году, закончил лесной техникум, лесотехническую академию. Работал старшим лесничим. Имел бронь, но добился направления на фронт. Служил в гвардейском минометном полку «катюш». В 1943 году вступил в партию. После войны работал в Закарпатье, не расставаясь с револьвером: в лесах еще орудовали бандеровцы. Затем — Карелия, Западная Сибирь... Приехал в Молдавию, в освобождении которой в сорок четвертом участвовал мой полк. Был директором мебельной фабрики. Двадцать с лишним лет назад, защитив диссертацию, стал преподавать в политехническом, а затем и в университете. Сейчас на пенсии.

Мама моя — Ольга Николаевна Высотская — еще в гимназии увлеклась театром. Закончила Петербургское театральное училище по классу режиссуры. Дружила с В. Э. Мейерхольдом и его семьей. Встречалась с А. Блоком, М. Кузминым, А. Н. Толстым, М. Лозинским и другими писателями, поэтами, художниками Петербурга. В конце 1911 года в артистическом кафе «Бродячая собака» познакомилась с поэтом Николаем Гумилевым, ставшим моим отцом. После непрочитанного романа с моей матерью он уехал в третью свою экспедицию в Абиссинию (так тогда называли Эфиопию). По возвращении ушел на фронт. Так связь его с нашей семьей оборвалась.

...Отца мне с детства заменил брат матери Николай Николаевич. — Орест Николаевич, давайте напомним читателю основные вехи биографии вашего отца.

— По воспоминаниям родных, с детства он был застенчив, очень любил животных. Если ему дарили деньги на лакомства, тратил их на белых мышей. Особенно охотно читал Шекспира, журнал «Природа и люди».

В детстве отец едва не лишился глаза: укладывая его спать, пьяная нянька уронила ребенка на битое стекло. Шрам остался на всю жизнь... Он интересовался астрономией. Соорудил на крыше дома подзорную трубу и проводил ночи в наблюдениях за звездным небом. Потом откопал «вольшебную» пещеру на берегу реки...

Когда его отец вышел в отставку, семья поселилась в Царском Селе, где Николай поступил в гимназию. Вскоре переехали в Тифлис. Здесь четырнадцатилетний Гумилев читал Маркса и пытался пропагандировать его учение. Это возлило на заметку местные власти... Там же в 1902 году в газете «Тифлисский листок» было опубликовано его первое стихотворение.

Готовясь к будущим путешествиям, о которых он мечтал с детства, Николай Гумилев совершенствовался в верховой езде, плавании, стрельбе. После окончания гимназии уехал в Париж. Прослушал в Сорбонне курс лекций по французской литературе. Пытался издавать журнал «Сириус», к сотрудничеству в котором привлекал свою будущую жену Анну Горенко (Ахматову). Здесь же выпустил сборник стихов «Романтические цветы», удостоенный строгого, но доброжелательного разбора Брюсова. Тайком от родителей, на свой страх и риск, с минимальными денежными средствами Гумилев предпринял первое из трех своих путешествий в Африку. При этом он позаботился о том, чтобы друзья регулярно посылали родителям из Парижа его письма, заготовленные заранее.

Вернувшись в Россию, Гумилев начал активно сотрудничать в журнале «Аполлон», основанном в 1909 году С. К. Маковским.

В апреле 1913 года Николай Гумилев в качестве начальника экспедиции Академии наук совершил третье путешествие в Абиссинию.

РАССТРЕЛЯН КАК ЗАГОВОРЩИК

Штрихи к биографии известного русского поэта Николая Гумилева

— В африканских путешествиях вашему отцу не раз приходилось проявлять самообладание и смелость. Вообще, как известно, он был храбрым человеком. Наверное, об этой его черте характера не раз заходила речь в кругу родных и близких поэта?

— Мать часто приводила мне в пример отца. В африканских путешествиях ему, конечно, представилось немало случаев проявить самообладание. Но он и сам искал повод еще и еще раз проверить себя.

Например, переправляясь через реку в корзине, скользящей по канату, он заметил, что весь этот оригинальный мост привязан к прогнившим деревьям. Гумилев стал нарочно раскачиваться в корзине над рекой, нишащей крокодилами. Сразу после того, как путешественник переправился, одно дерево не выдержало и рухнуло со всем этим хитрым приспособлением. А во время визита к местному прокурору отец, как его не отговаривали спутники, подвергся испытанию «на греховность»: разлевшись догала, пролез между двумя камнями. По неписаным правилам, тот, кто застревал, умирал в страшных муках, и никто не смел помочь несчастному, дать ему воды или еды...

В истории русской литературы начала века трудно найти второй такой пример — Гумилев ушел добровольцем на германский фронт рядовым кавалеристом, воевал в Пруссии, Галиции, был награжден двумя георгиевскими крестами, дослужился до прапорщика — младшего офицерского чина. Вообще люди, знавшие Гумилева, отмечают, что у него было «полное отсутствие страха... Черта, заставляющая его искать и создавать рискованные положения». Однажды отец поссорился с М. Волошиным. Когда на дуэли пистолет его противника дал осечку, отец настоял на том, чтобы в него стреляли вторично. А когда оружие дало осечку во второй раз, Гумилев стал настаивать на третьем выстреле. Но второй и третий выстрелы были против правил. Секунданты проявили твердость и третьего выстрела не допустили... И в поэзии Гумилева отчетливо прослеживается постоянный призыв к мужеству, бесстрашию, адресованный читателю. Жизнь без тяжелых трудов и подвигов представлялась ему пресной.

— Война для Гумилева, насколько я знаю, завершилась не на германском фронте?

— Это действительно так. В 1917 году его командировали в Русский экспедиционный корпус во Францию, и лишь год спустя отец возвратился в революционный Петроград, где сразу активно включился в литературную и просветительскую деятельность — читал лекции, вел занятия в Институте истории искусств, в студии Балтфлота, Пролеткуль-

те, много переводил, издал свой шестой сборник «Костер», был членом редколлегии издательства «Всемирная литература», которым руководил Горький. В феврале 1921 года вместо Блока избран руководителем Петербургского отделения Всероссийского союза поэтов. И вдруг третьего августа того же года

арестован по обвинению — участие в контрреволюционном заговоре. Никто из близких к отцу в то время ничего не знал о его недоброжелательном отношении к Советской власти. О каких-либо его конкретных действиях также ничего известно не было. У Гумилева нет ни одного стихотворения, которое можно было бы квалифицировать как «анти-советское». Отец — человек действия... Если бы он был врагом Советской власти, то, вероятно, сражался бы в рядах армии Деникина. А он, напротив, начал добросовестно сотрудничать с Советской властью еще тогда, когда положение ее было непрочным... Рассказывают, узнав об аресте Гумилева, Горький сразу обратился к Ленину, но когда связались с Петроградом, Зиновьев ответил, что приговор уже приведен в исполнение...

— Орест Николаевич, я тоже слышал об этом. Как и о том, что перед расстрелом Гумилев, бразируя, запел «Боже, царя храни.»

— Обе легенды похожи на правду, но нуждаются в документальном подтверждении. Потому что распространена и такая версия (ее, кстати, придерживается и Солженицын) — Ленин на словах поддержал заступничество Горького, а на деле дал диаметрально противоположное указание. Всему этому можно противопоставить лишь одно — истину без прикрас. Хочется верить, что мы ее узнаем. Как узнали главное — Гумилев не только не был участником заговора, но и категорически отказался от участия в нем. Бывший заместитель Генерального прокурора СССР Г. Терехов, изучивший «дело» Гумилева, в 1987 году авторитетно заявил об этом.

— «Реквием» Анны Ахматовой, как известно, посвящен драматическим обстоятельствам в жизни ее сына — историка Льва Николаевича Гумилева... Извините, а ваше происхождение никого никогда не смущало? Не повлияло ли оно на вашу судьбу, не осложнило ли жизнь?

— Не совсем согласен с формулировкой. «Реквием» — заупокойная месса, а сын Ахматовой остался жив. В этом произведении отразилась боль и трагедия всего народа, а не только драматические обстоятельства жизни одной семьи. Если же говорить обо мне лично... с одной стороны, все официальные инстанции формально придерживались известных пяти слов «сын за отца не отвечает». А с другой, как писал А. Твардовский, приходилось «быть под рукой всегда — на случай нехватки классовых врагов...»

Мартовским вечером 1938 года я заехал к брату на Фонтанку. Лев был простужен. Мы за-

сиделись за чаем. Ночью за ним пришли. Пока длился обыск, мы молча сидели на диване, курили. Под утро Лев протянул мне на память свой портсигар из карельской березы. Обнялись на прощание... Через месяц пришли за мной. Ни мне, ни ему почти не вспоминали происхождение. Тюрмы тогда были переполнены самыми разными людьми, и предполагать в них только тех, у кого «подмоченная биография», абсурдно. Брат получил пять лет лагерей по постановлению Особого совещания. Мы называли эту процедуру «коридорным судом»: всех заключенных выстраивали в коридоре тюрмы и зачитывали

приговор. Меня и двоих моих приятелей по лесотехнической академии после полутора лет следствия оправдал Леноблсуд. Но настороженное отношение к себе чувствовал до 1956 года. Особенно заметно это было в 1950—1951 годах. Почему? Мое недоумение рассеялось, когда в 1952 году Анна Ахматова сообщила мне, что Лев снова арестован... После XX съезда партии по просьбе Ахматовой Фадеев обратился к Главному военному прокурору, чтобы ускорить пересмотр дела. В частности, он писал:

«...Необходимо также учесть, что (несмотря на то, что ему было всего девять лет, когда его отца Н. Гумилева уже не стало), он Лев Гумилев, как сын Н. Гумилева и А. Ахматовой всегда мог представить «удобный» материал для всех карьеристских и враждебных элементов для возведения на него любых обвинений».

Коллеги по работе всегда относились ко мне без предвзятости, по-товарищески. Ну, а таинственная сила до какого-то времени, как я уже говорил, давала о себе знать. Но, думаю, тут дело не в происхождении. Писатели, историки пытаются сейчас ответить на вопрос, как могли в таких масштабах осуществляться необоснованные репрессии, нарушения законности...

— И последний вопрос. Орест Николаевич. Сейчас и у нас в стране издают Гумилева много и часто. В том числе и ранее неизвестные, считавшиеся утерянными его произведения. «Африканский дневник», например, пьеса «Охота на носорога» и другие. Как вы считаете, все ли из написанного Николаем Степановичем доступно теперь широкому читателю?

Всегда может обнаружиться что-нибудь неизвестное: письмо, экспромт, даже целое произведение, о котором сохранились упоминания. Так, в «Отчете о деятельности секции исторических картин Наркомпроса РСФСР с 26 августа по 1 марта 1920 г.» есть подтверждение, что в распоряжении коллегии (в число ее членов входили М. Горький — председатель, А. Блок, Н. Гумилев и другие) имеется законченная пьеса Гумилева «Фальстаф», составленная по историческим хроникам Шекспира. Там же упоминается сценарий Гумилева для кинематографа, посвященный типичной для Востока теме об Гарун-аль-Рашиде по материалу «Тысячи и одной ночи». Упоминается и законченная пьеса «Красота Морни». Но ни одно из этих произведений до сих пор не разыскано.

Беседу вел И. МАРЬЯШ.
КИШИНЕВ.